

В.И. ЛАМАНСКИЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ¹

© 2018 г. А.В. Малинов^{1*}, В.А. Куприянов^{2**}

¹Д-р философ. наук, профессор СПбГУ, ассоциированный научный сотрудник СИ РАН
²Канд. философ. наук, научный сотрудник Центра социолого-наукоеведческих исследований
Санкт-Петербургского филиала института истории естествознания и техники РАН

*E-mail: a.v.malinov@gmail.com, **E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-311-00072).

В статье рассматривается преподавательская деятельность В.И. Ламанского (1833–1914) в Санкт-Петербургском университете в 1870–1880-е годы. На основе переписки ученого приводятся его оценки положения дел в университете, Университетского устава 1884 г. Раскрываются обстоятельства ухода Ламанского из университета в 1899 г. Приводятся мнения учеников о преподавании Ламанского и обосновывается точка зрения о «научной школе» Ламанского.

The article examines Vladimir Lamansky's (1833–1914) pedagogical activities who taught in St.-Petersburg University in the 1870s and 1880s. On the basis of his correspondence, his judgements on the state of affairs in the university, or 1884 University Charter are adduced. Furthermore, it sheds light on the circumstances of his quit from the university in 1899, opinions of his pupils about Lamansky's manner of teaching are cited and the hypothesis of is proved that one may speak about Lamansky's «scholarly school».

Ключевые слова: В.И. Ламанский, Санкт-Петербургский университет, славяноведение, славянофильство, научная школа.

Keywords: Vladimir Lamansky, St.-Petersburg University, Slavic Studies, Slavophilism, scholarly school

DOI: 10.31857/S0869544X0003677-7

1870–1880-е годы стали вершиной преподавательской и научной деятельности В.И. Ламанского. В этот период он сформулировал основные положения своего философско-исторического учения и заслужил признание среди коллег-славистов, став одним из самых известных ученых-славяноведов в Европе. Удачно складывалась и карьера Ламанского в университете. После защиты диссертации советом Санкт-Петербургского университета 12 апреля 1871 г. он был избран экстраординарным профессором по кафедре славянской филологии (38 голосов, против 3). Причем совет университета направил представление попечителю учебного округа о назначении Ламанскому сразу профессорского

¹ Предыдущую статью А.В. Малинова и В.А. Куприянова о В.И. Ламанском см. «Славяноведение». 2018. № 6.

оклада. Как было сформулировано в протоколах: «Предоставив ему профессорский оклад, присвоенный кафедре Церковной Истории, для которой оставить на будущее время оклад доцентский» [1. С. 65]. 27 января 1873 г. историко-филологический факультет избрал Ламанского ординарным профессором, а 5 марта баллотировка состоялась на совете университета. Ламанский был избран ординарным профессором по кафедре славянской филологии тридцатью тремя голосами против трех [2. С. 44]. В черновом наброске «Из университетских воспоминаний» Ламанский приводил письмо к нему Д.И. Менделеева и потом резюмировал: «В лучшие времена Петербургского университета второй половины 50-х, 60–70-х, до начала 80-х годов живое дружеское общение тесно связывало не только профессоров одного, но и всех факультетов: физико-математического, юридического, восточного и историко-филологического факультета» [3. Оп. 3. Ед.хр. 50. Л. 1].

Ситуация в университете изменилась, когда министерство предприняло попытку пересмотреть университетский устав 1863 г. Ламанский вновь задумался о переезде из Петербурга. Так, 25 января 1881 г. он писал И.С. Аксакову: «Я бы оставил Петерб[ург], то теперь только бы в одном случае. Если бы, напр[имер], Игнатьева назначили в Вильну, то я бы туда поехал. Там цель ясна и работы много, а Варшава — Бог с ней» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 156]. В письмах И.С. Аксакову он высказывал свое мнение об инициаторах (М.Н. Каткове и Н.А. Любимове) и духе нового университетского устава: «Катков давно, давно от науки совершенно отстал, и не понимает, что со времен Грановских и Крюковых она у нас далеко шагнула вперед. Любимов же никогда ученым не был и был только хорошим (в свое время) учителем или преподавателем физики и как профессор, конечно, в подметки не годится Столетову. Правда, этот чуть ли не единственный у нас физик в настоящем смысле слова. Но Катков дошел до апогея [...]. Впрочем, кого не избалует такая забранная им в руки власть. Он сменяет и назначает министров. Говорят, теперь он хочет доканать Бунге. Его Святейшество непременно требует, чтобы устав прошел и был утвержден к Пасхе. Кто же осмелится ослушаться Каткова? Не знаю, чувствуете ли Вы, но я здесь с возрастающею грустью замечаю, что отрицательное направление и озлобление, какое-то равнодушие и тоска все больше и больше распространяются в обществе. Вы себе представить не можете, сколько глупостей и невозможностей в этом новом уставе. Сколько напрасного раздражения и злого недовольства произведет он в тысячах и тысячах, среди родителей и родственников учащихся в университетах и готовящихся поступать в университет. Зато желание и самолюбие Каткова будет удовлетворено. Его предначертания исполняются, его воля — закон. Мне все кажется, что мало по малу закроются все журналы, Ваша [“Русь”] — тоже, и останутся [“Московские”] и [“С.-Петербургские Ведомости”]. Удивительное дело, вот эти господа пережили и помнят николаевское время. Ни к чему» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 175об.—176]; «этот университетский устав есть великое несчастье. Вы не можете себе представить, как наш брат, знакомый с делом и имеющий детей в гимназии, печально должен глядеть вперед. Страшно даже подумать, что будет с детьми? Злоба, раздражение, презрение и почти явные оскорбления — вот атмосфера нас учащихся и учащихся окружающая. Мы, конечно, не опасны и с нами можно делать им все, что угодно. Но ведь каких же революционеров готовят они из наших детей. Вот, что страшно и за что боишься» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 187—187об.]. В конце воспоминаний о Ламанском К.Я. Грот приводил несколько писем своего учителя. В одном из них (17 марта 1889 г.) Ламанский отметил «ограниченность и узость так называемого русского национального направления, утвердившегося у нас со времен Каткова [...]. Катковский взгляд на русское просвещение всего лучше выразился в его проекте университетской реформы и изуродовании нашего факультета» (цит. по: [4. С. 22]).

К тому времени, когда подготовка к введению нового университетского устава, ограничивавшего университетскую автономию, шла полным ходом, Ламанский был избран деканом историко-филологического факультета и 11 марта 1883 г. утвержден министром народного просвещения. Согласно уставу 1884 г., деканы назначались

министром, поэтому со временем он был уже переназначен министром. Однако, не желая быть проводником министерской политики, ущемлявшей академические свободы, он осенью 1885 г. подал прошение об отставке (протокол заседания Совета университета от 4 ноября 1885 г.) [5. С. 43]. Письма Ламанского коллегам наполнены сожалениями о положении в университетах. «Нынешние преобразования, — писал он И.С. Аксакову, — внушены, с одной стороны, чисто полицейскою тенденциею искоренить нигилизм по-полицейски же, с другой, самым затхлым западничеством 40-х годов, воображающим, что в русском университете никогда ничего не бывало выше Грановского, Редкина, Каткова, Леонтьева и Любимова» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 182 об.]. В письмах А.Н. Веселовскому он описывал свои чувства после решения об отставке: «У нас не приведи Бог как скверно. Мне так все это опротивело, что я подал прошение об увольнении меня от должности декана. Кто будет? Еще неизвестно. Охотников немного. Ждут, кажется, Ягича. Но он верно тоже не пойдет [...]. Отказался от деканства и теперь у меня как гора с плеч. Буду работать в архивах и возьму себе несколько дел московских» [6. Ф. 45. Оп. 3. Ед.хр. 467. Л. 3]. А в другом письме к тому же адресату сетовал: «Грустно и обидно как испакостили наш факультет. Конечно пройдет и это. Но когда и откуда придет обновление?» [6. Ф. 45. Оп. 3. Ед.хр. 467. Л. 6об.]. Ламанский в меру своих возможностей сопротивлялся тем ограничениям в преподавании, которое предусматривала новая министерская программа. 17 декабря 1886 г. он писал профессору Варшавского университета П.А. Кулаковскому: «И теперь русских историков мало, а что будет лет через 10. Наш несчастный факультет совершенно разорен. Ни русских историков, ни славистов не будет тогда вовсе. Сколько мошенничества завелось в университете с этими латино-греческими упражнениями: явились свои шпаргалки» [6. Ф. 572. № 159. Л. 3—3об.]. В последующие годы Ламанский лишь эпизодически (как правило, во время отпуска декана) исполнял должность декана как старший по званию член факультета, что было предусмотрено ст. 26 «Устава российских университетов 1884 г.».

Сменивший Ламанского в должности декана историко-филологического факультета М.И. Владиславлев стал усердным проводником министерской линии в университете. В отечественной историографии сложился отрицательный образ М.И. Владиславлева, во многом следующий оценкам его как личности и администратора современниками. Е.А. Ростовцев предпринял пересмотр деятельности М.И. Владиславлева и предложил отказаться от однозначно негативной его оценки: «Надо сказать, что, несмотря на тотальное недоверие и бойкот со стороны либеральной профессуры, М.И. Владиславлев вообще был активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации» [7. С. 406]. Несмотря на диктат министерства, М.И. Владиславлев смог добиться расширения преподавания философии [8. С. 137—138]. Ламанский не дружил и не приветствовал с М.И. Владиславлевым. Однако нельзя сказать, что их связывали исключительно деловые отношения. Известно, например, что М.И. Владиславлев рекомендовал Ламанскому няню для его детей и т.п. Впоследствии Ламанский переписывался с сыном М.И. Владиславлева Владимиром Михайловичем Владиславлевым (1868—1943). Ламанский не мог согласиться с умалением университетской свободы и ограничения преподавания, которую по настоянию министерства проводил М.И. Владиславлев. В письме к одному из своих близких друзей, индологу профессору И.П. Минаеву он писал 16 мая 1888 г. (?): «Да, это худой ч[елове]-к. Этот философ понимает идеи, но служит одной силе торжествующей и давящей. Неспokoйно и неравнодушно гляжу я на это. Да что поделаешь? И хочу сторониться и найти себе независимый круг деятельности, где бы мне спокойно и свободно думать и работать. Конечно тут спокойствие относительное, рана нанесена и ее не залечишь. Да плакаться и беречь ее ежечасно — тоже нет проку. Думать надо отчего все это происходит и стараться, чтобы подобные напасти в будущем были реже, реже и даже невозможны. Тут конечно виноваты не одинокие личности, а все наше общество, легкомысленное, пошлoе и в грязь опустившееся. Нет идеалов, нет возвышенных и дальновидных умов, нет критики и понимания. Полная духовная несостоятельность. И так давно длится, теперь только яснее обличается. В совер-

шенное отчаяние приходит нечего — остались кафедра, литература. Положим полезут в университет много дряни, но это не будет большинство, да и молодежь ее скоро раскусит». «Дурак, что пошел, — продолжал Ламанский о согласии М.И. Владиславлева стать ректором. — Тяжело и жутко будет. Кругом его и между студентами и между профессорами и им будет пустыня» [6. Ф. 340. Оп. 2. № 33. Л. 59—59об.].

Надо заметить, что административную работу Ламанский воспринимал как бремя, отнимающее силы и время от научных занятий. Настоящему ученому, полагал он, не стоит жертвовать наукой ради административной карьеры и искренне недоумевал, когда видел примеры обратного. Н.Н. Платонова (жена историка С.Ф. Платонова) в дневнике привела реакцию Ламанского на назначение ректором университета после смерти М.И. Владиславлева П.В. Никитина: «Был [у нас] Ламанский; удивляется, зачем Никитин принял ректорство; единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный добровольно отказывается от науки ради видного положения; после этого немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Н[икити]на будет не из легких: один Сергеевич способен отравить ему жизнь. Вообще все профессора неодобрительно смотрят на Н[икити]на; Л[аманск]ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлеву» (цит. по [9. С. 465]).

Постепенно многие положения устава 1884 г. подверглись пересмотру и практика университетской жизни вернулась к основным формам автономии, хотя может быть и не в той мере, в какой допускалась уставом 1863 г. Университетская профессура демонстративно фрондировала перед министерством, усиливались оппозиционные настроения, значительная часть профессоров придерживалась либеральных взглядов. Так, по предложению Ламанского совет Санкт-Петербургского университета принял решение при назначении на преподавательские должности Министерством народного просвещения новых членов, зачитывать записки об их ученых трудах. «Такое решение, как бы обязывающее министра давать отчет о научных достоинствах своих “назначенцев”, — писал Е.А. Ростовцев, — было очевидным свидетельством роста оппозиционности профессорского совета» [9. С. 457]. В переписке Ламанского заметно ожидание перемен в министерстве, хотя преобладающее настроение можно, скорее, охарактеризовать как скепсис и сомнение. В дневнике 1 апреля 1889 г. он с грустью замечал: «Быть может, и Толстой и Делянов [...], все они тебя переживут, или ты будешь к тому времени так стар и слаб, что не в состоянии будешь и почувствовать перемены и насладиться ею. Часто думается, что нашему брату лучших дней не выдать» [3. Ф. 35. Оп. 3. Ед.хр. 3. Л. 9об.].

К университетским неурядицам добавлялось и чувство профессиональной неустребованности. Дело не в том, что Ламанский, вероятно, не был популярным профессором. Он не искал этой популярности. Помимо университетского преподавания он стремился применить свои знания по истории, быту и современному положению славянских народов на практике. Ламанский не был лишь кабинетным ученым-славистом. Он сознавал себя философом и политическим мыслителем, откликался статьями на текущие события, принимал участие в реальной помощи балканским славянам. Его познания требовали практического выхода. Университетская аудитория стесняла его. Не случайно Ламанский так много сил отдавал Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу, Этнографическому отделу Императорского географического общества, Литературному фонду. Он стоял у истоков и был одним из учредителей Славянского комитета (впоследствии Славянского благотворительного общества)² и Литературного фонда, организатор

² Ламанский составил «Заметку» о преобразовании Петербургского комитета по приему славянских гостей в постоянный Славянский комитет (с 7 мая 1868 г.), преобразованный 12 апреля 1877 г. в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество [9. С. 59—60].

ром Славянского съезда в 1867 г. и автором первоначального проекта Этнографического музея в Санкт-Петербурге. В редакторской работе он видел возможность влиять на общество, доносить до людей свои взгляды на славянство, Европу и те исторические задачи, которые стоят перед Россией. Он редактировал «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (с сентября 1887 г. по декабрь 1888 г.), издавал и редактировал лучший дореволюционный этнографический журнал в России «Живая старина» (1890–1912) [10. С. 201–215]. Ламанский не только работал бесплатно, но первые годы вкладывал в издание свои скромные средства. Вероятно, приглашение читать лекции в Академии генерального штаба он воспринял как возможность донести свои взгляды до тех людей, от которых может зависеть политическое будущее России и славянства. В Академии генерального штаба он преподавал десять лет (1890–1900). Именно в эти годы он завершил работу над своим главным геополитическим трактатом «Три мира азийско-европейского материка» (1892) [11. С. 215–222].

В письмах Ламанский часто рассуждает о политических событиях и делится своими соображениях о европейских делах, истории и путях развития народов, культур и языков. В одном из посланий И.С. Аксакову 10 февраля 1882 г. он указывал на разрыв между властью и интеллектуальной элитой. Знания ученых оказались не востребованы «высшими сферами». В сетованиях Ламанского звучит не претензия интеллектуалов на власть, а констатация общественного разрыва, социальной патологии, делающей ученых бессильными, а власть — слепой. «Удивителен этот Петербург со своим высшим обществом и высшими сферами, — писал Ламанский. — Везде богатство и знатность старается привечать и приманивать к себе людей мысли, расспрашивать их, толковать с ними. Могут их не слушаться, но выслушивать их ведь должны люди государственные.

Но в каком мы теперь положении. Мы теперь решительно ничего не знаем, что делается. Бывало, часто видался с гр. Толстым, который приглашал к себе, с Н. Милютиным, который любил и говорить и расспрашивать. Теперь не только м[инист]р нар[одного] просв[ещения], но даже попечитель, хотя сам бывший профессор, ни разу не пригласил нас к себе на чашку чая. Игнатьева я тоже никогда не вижу, как и Победон[осцева], хотя прежде б[ыли] знакомы.

В Австрии даже принцы стараются знакомиться с профессорами, учен[ыми], писателями. У нас мы целою Китайскою стеною отделены от правящих сфер. Смейтесь потом, что сидя в кабинете на Протопоповской улице (собств[енно] на Введенской), мы не знаем жизни. Где нет обмена мысли, живого общения людей разных сфер, там нет образованности, там нет здорового национального развития [...]. Один из бывших моих слушателей дает теперь уроки рус[ского] яз[ыка] англ[ийскому] послу Торнтону, человек очень он образованный, все жалуется на неразвитость и необразованность русск[ого] общества, на скуку в нем господствующую.

Не нам же, людям бедным и естественно гордым, искать в высших сферах и подбиваться на знакомство с ними. Они должны первый шаг сделать.

Скука, недовольство, странные недоразумения, ложные понятия и дурные мнения друг о друге — вот самые еще невинные плоды такого разобщения различных общественных кругов.

Вот чем болеет наше общество. Нет идей и умственных интересов, нет истинного образования и идеалов. Есть праздность и скука, да бедность. Вот и ждут люди спасения от войны, от катастрофы, от счастливого события.

Со смертью Федора Ивановича [Тютчева] я никогда ничего не слышу из официальных сфер, что делается у нас в слав[янских] землях.

Прежде молодежь пропадала и губила свои силы в бесшабашном разгуле, теперь от той же скуки многие ударяются в отрицание и [...] агитацию.

Двор и сановники могут переехать в Москву, но если и там они также будут жить обособленно и кроме официальных разговоров и обязанностей с простыми смертными никакого живого общения иметь не будут, то никакой от этого пользы ждать нельзя.

Скука московских теремов создала из Петра революционера. Французская фронда порождена была тою же скукою и разобщением сфер правящих от мыслящих. Не в одном разобщении интеллигенции с народом наше зло [...]. Нет духа, нет правящей мысли, нет идей и системы. Все отрывочно и случайно, все эмпирично и бессознательно. Так то, а война сему не поможет» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 168–170об.].

В 1890 г. за выслугой двадцати пяти лет в университете Ламанский перешел в разряд заслуженных профессоров. 1899 год стал последним в его преподавательской карьере. В феврале университет охватили студенческие волнения, жестоко разогнанные полицией. Бестактное поведение ректора В.И. Сергеевича и его призыв к студентам воздержаться от нарушения общественного порядка только усилили протесты. Либеральная в своей массе профессура требовала расследования поведения полиции. «Начались частные совещания профессоров и других лиц (помню одно в квартире П.И. Вейнберга), – писал Н.И. Кареев. – Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами Совета, предлагавшими то, что было ему неудобно [...], как вдруг на середину зала вышел старик Ламанский с такими приблизительно словами: “Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескою просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны”. Затем он обернулся, как бы ища поддержки со стороны товарищей, но никто не шелохнулся. Мне стало стыдно, и я громко, встав со своего места, заявил: “Владимир Иванович, я к вам присоединяюсь”. Думаю, что этот поступок и был одной из причин моего увольнения из университета. Сергеевич ответил, что он на своем месте “по воле государя императора” и что потому не нам его смещать» [12. С. 205–206]. Из университета были уволены не только Н.И. Кареев, но и приват-доценты М.И. Свешников, С.А. Венгеров, И.М. Гревс, Н.М. Книпович, А.А. Исаев. Протестуя против решения министерства, подал в отставку профессор С.Ф. Ольденбург и приват-доцент Я.И. Смирнов. В этой ситуации решение покинуть университет принял и Ламанский. 30 декабря 1899 г. он писал: «В нынешнем авг[усте] отказался от унив[ерситетского] вознаграждения и от лекций. Студентов-слушателей очень мало, охотников заниматься не видать было, а тут еще прошлогодние университетские истории, – Сергеевич в совете, Соболевский в Факультете, далее погром в Житом[ире] и затем в Киве, получение известия об увольнении Кареева и Гревса из унив[ерситета] побудили меня окончательно выйти из унив[ерситета] и отказаться от получения от него 1200 р. с лишним (р. 100 гонор[ар] и 200 экз.). Отказавшись, я почувствовал себя хорошо» [З. Ф. 35. Оп. 3. Ед.хр. Л. 20об.]. Стоит отметить, что поступок Ламанского не был случайностью, эмоциональным порывом или облеченным в форму протеста уходом усталого от трудов престарелого профессора. Еще до возвращения в университет в качестве преподавателя Ламанский принимал активное участие в защите бунтовавших в 1861 г. студентов. Сохранилось недатированное письмо одного из его ближайших друзей, В.В. Стасова, раскрывающее обстоятельства фрондирования университетской профессуры. «Владимир Иванович, – писал В.В. Стасов, – сделайте одолжение пошлите протесты³ к моему брату Дмитрию в Сенат, во 2-й Департамент; он будет его там ждать до 2 ½ часов, и прямо оттуда повезет его к Кавелину и Утину, которые наверное подпишут его. Уже вечером подпишет Спасович. Таким образом, это будет “профессорский протест”. Жаль, если нельзя включить в число протестантов Срезневского, Калачова и Галахова. Последнего я даже не знаю адреса. Право, мне кажется, Срезневский будет потом жаловаться, что его пропустили. Не увидите ли вы его сегодня, также Калачова днем или вечером? Пусть только даст согласие, и можно за него подписать. Я бы к нему поехал, но он меня разумеется не послушает. Вот вас, другое дело. И так, жду подписей Сухомлинова и Гильфердинга. Сегодня я в Федре.

Ваш В.С.

³ Здесь и далее подчеркнуто в письмах.

Р.С. Я думаю, Калачов даст согласие на подпись, коль скоро его друг Костомаров подписался» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1332. Л. 54]. Протестуя против ареста полицией студентов, из состава университетских преподавателей вышли А.Н. Пыпин, К.Д. Кавелин, Б.И. Утин, М.М. Стасюлевич и В.Д. Спасович. Выход Ламанского из университета в 1899 г. можно считать жестом проявления университетской солидарности как с протестующими студентами, так и с уволенными коллегами. Он не разделял западнического мировоззрения Н.И. Кареева и в частной переписке скептически отзывался о нем [13. С. 14–17], поэтому решение Ламанского покинуть университет не было вызвано личными мотивами, а имело принципиальный характер.

В 1900 г. Ламанский был избран в Академию наук и отошел от активной преподавательской деятельности в университете и Академии генерального штаба. В Академии наук он решил сосредоточиться на исследованиях русской истории XVIII в. и, в частности, истории самой Академии. В одном из писем учителю Н.В. Ястребов верно подметил, что Ламанский в конце жизни вернулся к той тематике, с которой началась его научная карьера. «Итак, Вы работаете в Академии и по той же XVIII веку, которым занимались в молодости, — писал он из Вены 1(14) мая 1900 г. — Верно, имеете планы и на счет разных насущных дел славянских, которые могла бы делать Академия и только Академия: издание (греческое) К. Порфириогенеза, библиография южнославянской истории и истории литературы, издания болгарских и сербских грамот — видах источниковедения, дипломатики, палеографии и проч. и проч.» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 41]. Прежде всего, ученики ожидали от Ламанского издание общего курса по истории славян, полагая, что теперь подготовка к самим лекциям больше не отнимает необходимого для работы над текстом времени. «Будьте здоровы и не пишите таких вещей, что до Ломоносовского юбилея Вы не доживете. Вы очень мнительный, и нет Александры Ивановны, которая Вас ободрила бы. Умирать Вам рано, ибо за Вами еще есть долг: “История славян” в том или другом виде. Мы, Ваши ученики, думаем дожить до нее», — выражал Н.В. Ястребов общую надежду в письме из Мюнхена 20 февраля (5 марта 1901 г.) [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 67 об.]. Из письма видно, в каком угнетенном состоянии находился Ламанский после смерти жены и во многом вынужденного оставления университета. Работа над славянской историей, полагали ученики, поможет учителю справиться с жизненными невзгодами. В конце 1901 г. Н.В. Ястребов вновь напоминал Ламанскому: «А как обстоит дело с курсом славянской истории? Хорошо было бы издать его в том коротком виде, что Вы хотели сделать для Военной академии. Жаль, что Вы оставили Академию, жаль уже с точки зрения русских военных интересов. Не могли бы Вы при новом начальстве Академии возобновить свое дело?» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 100об.—101].

С годами к давним болезням (подагре и хиратре) добавился склероз мозга. Последней крупной работой Ламанского стало неоконченное исследование «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», печатавшееся в 1903–1904 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» и изданное отдельной книгой уже после его смерти [14]. Не имея возможности продолжать научную работу, он принял решение продать свою библиотеку университету. В письме И.В. Ягичу 11(24) декабря 1910 он поведал историю формирования библиотеки: «Свою библиотеку я оставляю университету (собственно слав[янский] семинар и [филологического] факультета). Я написал ректору, что не имея состояния, я прошу университет за библиотеку мою 3000 р. для передачи младшей моей дочери Анастасии. Универс[итет] в свою очередь назначил 5000 р. Я не протестовал, потому что начал покупать книги с 1860⁴ г. (когда стал студентом). По выходе из универ[ситета] и по пребывании за границей (2 г. слишком) и позже в Венеции (год слишком) я накупил очень много книг — правда за последние 50 л[ет] у меня были

⁴ Описка, должно быть 1850 г. — А.М.

большие пропажи или вернее кражи. Проехав Балк[анский] полуостров и Морею, а также Австро-Венгрию, я покупал много книг новых и старых. Первая пропажа случилась в Константинополе, в посольстве нашем. Купленные мною книги в Италии и в Греции я имел глупость послушать одного из молодых служащих в посольстве нашем в Константинополе, где я жил разумеется даром, я оставил один или два ящика книг. Через месяц или недели три по приезде в Петербург из Константинополя я написал письмо о присылке моих книг ко мне. Получил ответ, что мой ящик или ящики с книгами в посольстве не найдены. Вторая кража книг моих произошла в г. Боровичах, на реке Мсте. Я купил там два домика с садом и огородом. Несколько лет подряд, когда дети мои еще были малые (для них и купил), хотел, чтобы они познакомились и сблизились с народом. В том доме, где я устроил свою библиотеку и кабинет, я оставлял там много книг, и как-то приехав из Петерб[урга] в Боровичи на лето, я не нашел ни единственной книги.

У меня между прочим в кабинете масса книг, все полки (от пола до потолка) заняты, много книг на трех столах, на этажерке, в шкапу и на полках с пола до потолка. Есть еще в спальне моей большой шкаф, где между прочим есть дорогие редкие книги о Венеции. Я думаю, что такой коллекции книг о Венеции ни у кого нет ни в Петерб[урге], ни в Москве, ни в Киеве» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 7–7об.].

Первая часть библиотеки Ламанского была передана университету еще в 1907 г. Можно предположить, что судьбу своей библиотеки он обсуждал значительно раньше с учениками. В одном из писем Ламанскому 6 августа 1890 г. Т.Д. Флоринский отмечал: «Фортинский в Ялте, где встретился с Бестужевым и Кареевым, между прочим узнал, что Бестужев завещает свою библиотеку Петербург[скому] университету» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1447. Л. 81об.–82]. А 17 февраля 1903 г. уже А.А. Шахматов интересовался у Ламанского: «Вольтер сообщил мне сегодня, что Вы подумываете об отчуждении Вашей библиотеки или части ее университету. Очень Вас прошу иметь в виду и нашу Библиотеку. На съезде будет предложен план обращения ее в центральную для всего слав[янского] мира библиотеку. Лишиться сокровищ Вашей библиотеки слишком для нас обидно. Нельзя ли было бы сообразить, какие из книг Вашей библиотеки не имеются у нас? Тогда легко было бы [неразб.] с университетом. Не сердитесь на меня, если переданный мне слух не верен и возник на почве какой-нибудь сплетни» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1525. Л. 31]. Два года спустя (31 мая 1905 г.) другой его ученик, Н.В. Ястребов, почти заговорщическим тоном вновь упоминает о библиотеке: «У меня есть кой-какие мысли по новому пункту Вашего завещания о библиотеке; но об этом как-нибудь потом, если позволите» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 165об.]. Письма учеников содержат отголоски бесед и обсуждений с учителем и явно демонстрируют, что решение об отчуждении библиотеки в пользу университета не было случайным и необдуманым.

События на историко-филологическом факультете весной 1907 г. вынудили Ламанского ускорить передачу библиотеки. Обстоятельства этих событий отчасти реконструируются из писем Н.В. Ястребова. Во многом благодаря многолетним и настойчивым усилиям Ламанского история славянских народов стала самостоятельной университетской дисциплиной. Однако с его уходом из университета ситуация изменилась, и были предприняты попытки ограничить преподавание славистики преимущественно славянской филологией. Описывая внутрифакультетские склоки, Н.В. Ястребов писал Ламанскому 9 апреля 1907 г.: «Сегодня видел П.А. [Лаврова]. Оказывается, Гревс – против истории славян (очевидно, и прошлой весной он, глав[ным] образом, и устроил эту штуку). Конечно, аргумент о строгости – смешон и пошл. Студенты, конечно, говорят и о строгости целого ряда других профессоров (довольны только Тураевым и Гримом – конечно, относительно). Но уже ли вопрос о том или другом положении научной дисциплины на факультете можно ставить в зависимость от легкости и трудности экзамена из нее. Тогда бы пришлось исключить целый ряд наук [...]

Гревс, по своему невежеству, развивал П.А. [Лаврову] свои “идеи” о том, что история славян не интересна, не имеет содержания (“только Кир[илл] и Меф[одий], Гус и еще кое что”)» [3. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 181—181 об.]. Вскоре после этого Н.В. Ястребову было отказано в выделении денежных средств на закупку литературы для семинарских занятий по истории славянства. Цель отказа была очевидна — сделать не возможным проведение занятий в виду отсутствия необходимых источников и пособий. 23 апреля 1907 г. он следующим образом описывал сложившуюся ситуацию: «Да, знаете, что еще. В субботу, оказывается по словам декана, факультет отказал дать что-нибудь на семинарий слав[янской] истории. (А Лавров почему-то говорил о — хотя бы и жалких — но все-таки 100 рублях). У факультета было 3000 р. денег; ассигновали Гревсу 1000 руб. (!); на кабинет музыки (пр[иват]-доц[енту] Калло) — 300 р., на читальню (sic!) студ[ентов] филологов — 500 р. и т.п. и хотя осталось еще 800 р., но мне ничего не дали на слав[янскую] историю: эти 800 р. — запас-де на осень, на покрытие новых воз-можных требований.

Декан заявил мне, чтобы я попросил Гревса, м[ожет] б[ыть], он уступит из своей тысячи что-нибудь и мне. Это — какая-то насмешка [...].

Думаю заявить в факультет, что я вынужден отказаться от объявленного мною семинария — практич[еских] занятий, так как не по чему вести их, и от-кладывая их до лучших времен.

Одно только неловко: несколько студентов, уже уехавших домой до осени, полагая, что занятия будут, запаслись руководствами, чтобы заняться языком (одни — польским, другие — чешским). Я перед ними окажусь в глупом положении» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 181—182об.]. Шесть дней спустя Ястребов вновь писал Ламанскому: «Сегодня мне удалось кое-что “выклянчить” у Гревса из его 1000 р. на семин[ар] слав[янской] истории; пока он дает только 100 р.; м[ожет] б[ыть], удастся и еще что-нибудь “выбить” из него» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 184]. Все это не только ставило Ястребова в зависимое положение просителя, но и наглядно демонстрировало дисциплинарные предпочтения руководства историко-филологического факультета. Отчасти славяноведческие дисциплины (Ястребов преподавал в 1907 г. следующие курсы: «Введение в славяноведение», «История славянских стран», «Чешский язык» и «Практические занятия по чтению и разбору славянских текстов») стали заложниками «партий-ной» борьбы внутри историко-филологического факультета. Уже отошедший от дел Ламанский и его ученики ассоциировались с А.С. Лаппо-Данилевским, который не только поддержал избрание Ламанского в Академию наук, но и оказы-вал помощь из средств Академии его ученикам, в том числе, например, Н.В. Ястребову, испытывавшему материальную нужду во время заграничной командировки (1899—1901). Бывший декан факультета С.Ф. Платонов возглавлял проти-воположную «партию». (Стоит заметить, что Платонов был избран в Академию наук только после смерти Лаппо-Данилевского, в то время как сам академик Лаппо-Данилевский лишь в конце жизни стал «сверхштатным» профессором университета, в течение предыдущих двадцати лет работая в должности приват-доцента.) Этим «партийным» противостоянием, возможно, и объясняется не-сколько сатирический отзыв о Ламанском в мемуарах Платонова.

Желая сохранить «славянский семинарий», Ламанский решил незамедли-тельно передать часть своей библиотеки университету, полагая, что отказаться от пожертвования «заслуженного профессора» университет не решится. В том же письме (29 апреля 1907 г.) Н.В. Ястребов продолжал ранее начатый разговор: «Вчера не удалось, как следует, поговорить о Вашем пожертвовании библиотеки.

Мне думается следующее. Обязательно следует оформить это на наступаю-щей неделе в виде заявления от Вас (после переговоров Лаврова с унив[ерсите]тскими властями); тогда уже унив[ерсите]т обязательно выполнит все, что Вы пожелаете, не будет места неясностям и недоразумениям в последствии [...].

Следовало бы Вам заявить о пожертвовании книг именно в семинарий слав[янской] истории (а не филологии: 1) ведь бо́льшая часть книг у Вас по ис-тории; 2) семин[ар] слав[янской] филологии соединен с семинарием русск[ого]

языка и литературы; 3) студ[ен]ты-словесники (и слависты в том числе истории славян не слушают); конечно, могли бы ими пользоваться и слависты-языковеды и словесники. Это помогло бы разрешению (прямо — решило бы) и вопрос об устройстве практич[еских] занятий по предмету, который я преподаю).

Потом, нужно бы высказать пожелание об отведе[нии] для этого семинария (event. библиотеки) особого помещения (комнат), о приведении в порядок (каталогизации) книг, об устройстве шкапов (ведь, может случиться — по-русски, что свалят в кучу), о назначении — что важно особенно — постоянной суммы на пополнение собрания. Все это следовало бы оговорить уже и относительно той части книг, которую Вы отдаете осенью (после того, как по Вашем отъезде мы с П.А. Лавровым разберем Ваши ящики)». На отбор книг потребовалось около месяца и уже 24 мая 1907 г. Н.В. Ястребов писал Ламанскому: «Библиотеку, т. е. ящики из кладовой, перевезли в унив[ерсите]т на 2 ломовых извозчиках» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 186].

Хлопоты Ястребова и Ламанского увенчались успехом: был не только сохранен «семинарий по славянской истории», но и оборудован отдельный кабинет, в котором разместились книги из библиотеки Ламанского. 21 октября 1907 г. Ястребов направил своему учителю письмо:

«Дорогой Владимир Иванович!

Спешу поделиться с Вами приятной новостью. Вчера в факультете было решено учредить ряд семинариев, в том числе и [...] слав[янский] семинарий. Для него будет отведена половина статистич[еского] кабинета (другая полов[ина] для семинария по всеобщей истории). На приобретение книг ассигновано ежегодно 500 р. и 150 р. на студента-библиотекаря. Теперь нам с П.А. Лавровым нужно выработать план оборудования — т.е. столы, шкафы и т. п. Так как для переделки нужно время, то дело осуществится только с января. Значит, на святках можно будет разобрать Ваши 14 ящиков, увезенных весной.

В факультете Соболевский пытался [...] “подложить свинью”, заявив, что он считает “преждевременным” устройство слав[янского] семинария. (Еще предложил пригласить для препод[авания] истории славян Будиловича, но это тоже не прошло).

Еще одно. Гревс снова требовал, чтобы из Ваших книг были отобраны книги по истории гер[ман]-роман[ской] Европы и отданы в библиотеку его семинария. Лавров ему снова, как весной, указал ему на неудобство нарушения воли жертвователя, на необходимость сохранить библиотеку целиком. Он указывал и на то, что эти книги нужны будут для историков-славистов, и что никто, ведь, не будет мешать тому, чтобы книги давались для пользования и в его семинарии, едва нужно будет.

Ведь, какой бестактный человек: весной ему все это указывалось. Во избежание повторений этих посягательств хорошо было бы написать Вам декану, что Вы просите сохранить все Ваши книги в одном, славянском, семинарии, что кончено, не исключает пользования ими и для друг[их] семинариев» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 187–188].

Оставшаяся часть библиотеки Ламанского, насчитывающая более десяти тысяч томов, была передана университету после его смерти, «с условием выплаты дочери покойного академика некоторую сумму». Университет выплатил дочери Ламанского Ольге Владимировне Покровской 5000 рублей из «министерских сумм». В связи с этими расходами правление университета обратилось в Министерство народного просвещения с ходатайством об отпуске 4000 рублей, поскольку «библиотека В.И. Ламанского представляет редкую ценность, содержит всю литературу по славяноведению» [15. 1 X. С. 5]. Министр народного просвещения гр. П.Н. Игнатьев выразил согласие возместить университету полную стоимость библиотеки [15. 5 IX. С. 5].

В 1909 г. Ламанский по мере сил способствовал положительному решению вопроса об открытии новой вакансии по славянской истории в дополнение к уже существовавшей профессуре по славянской филологии. Предложение о новой кафедре поддержали П.А. Лавров, А.А. Шахматов, Н.И. Кареев

и И.М. Гревс. Н.В. Ястребов полагал, что просьбе Ламанского не сможет отказать и И.А. Бодуэн де Куртене. Об этом он писал своему учителю 13 октября 1909 г.: «Не сбылись Ваши ожидания относительно Бодуэна (Ив[ана] Александр[овича]), который отказал П.А. Л[авро]ву в подписи, развивая свою нелепую мысль о том, что нет никакой “истории славян” [...]».

Было бы хорошо, если бы Вы написали ему письмо с просьбой о подписи: я думаю он, вспомнив, что обязан своей петербургской профессурой Вам, исполнит Вашу просьбу, [...] сохраняя свои “идеи”! Его адрес: В.О., Кадетская линия, д. 9» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 208об.—209].

Однако не книги и статьи, не успехи в изучении славянской истории и литературы, по мнению Ламанского, составляли главное дело его жизни. Главным своим достижением он считал учеников. «Для профессоров и университетской культуры в целом, — замечает Е.А. Ростовцев, — связь “учитель — ученик” имела и глубоко личный смысл. Сквозь призму учительства и ученичества не только мыслилась история науки и корпорации, но и свое место в ней» [7. С. 328]. Ламанский выработал собственную методологию исследования и манеру преподавания, которая, как он предполагал, помогает избежать поверхностной популярности и привлекает по настоящему заинтересованных студентов [16. С. 67–68]. Философско-методологическую основу учения Ламанского составило славянофильство [17. С. 93–98]. К концу 1870-х годов сформировалась научная школа Ламанского, к которой принадлежали три десятка его учеников, занимавшие до революции кафедры славяноведения в России [18. С. 378–431; 19. С. 82–96]. В одном из писем И.С. Аксакову он признавался в 1877 г.: «Я вообще нетерпелив и как университетский преподаватель чувствую слабость к хорошим дарованиям и не всегда сдержан с тупицами» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 107об.]. В другом же письме своему московскому корреспонденту Ламанский замечал: «Есть великое наслаждение в нашей профессорской, обыкновенно довольно горькой, доле. Имеешь возможность следить и подмечать выходы новых сил. Есть бездна дряни между университетской молодежи, но зато постоянно попадаются и отличные, здоровеннейшие силы. Сравнивая их с нашими, бывало, юношескими, замечаешь без всякого преувеличения огромный успех русской мысли, сознания, образованности» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 125об.—126]. 24 сентября 1879 г. он вновь писал И.С. Аксакову о своих планах и учениках: «Я работаю по возможности много над славистикой и мечтаю, и Бог даст, если еще проживу и останусь в университете, успею образовать целую группу, если не школу славистов, которые, надо надеяться, оставят след в литературе и будут несравненно производительнее и счастливее меня. Я не умею действовать на публику, не умею себя сдерживать и ограничивать, распоряжаться временем и справляться с своими планами и силами. Я привязываюсь к моим хорошим ученикам и боюсь и мучусь за них часто может быть больше, чем они сами. Славянство, Русь страдали от незнания и непонимания своего положения, своих судеб. Всякий, кто по мере своих скромных сил честно трудится над разъяснением нашего прошлого и настоящего, имеет право на известное уважение русских и славянских образованных людей» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 142об.]. К «школе Ламанского» принадлежали Ю.С. Анненков, В.Э. Ретель, П.А. Сырку, И.С. Пальмов, Ф.И. Успенский, Ф.Ф. Зигель, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, И.И. Соколов, М.И. Соколов, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, Н.В. Ястребов, А.Л. Петров, Г.М. Князев, Ф.М. Истомин, и др. К ученикам Владимира Ивановича относил себя и его зять В.П. Семенов-Тянь-Шанский. В письмах Ламанский изредка давал характеристики своим ученикам. Например, перед И.С. Аксаковым выделял «моего молодца Флоринского» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 163]. «Флор[инский] будет и подаровитее и пороигинальнее Грота. Сообщи Вам маленький же отзыв и о Флоринском. Не знаю, люди говорят, что у меня есть школа. Очень рад, если это правда», — не без оправданной гордости признавал он [З. Ф. 65. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 163–163об.].

Письма учеников раскрывают, насколько жизненно и духовно близок был Ламанский к своим ученикам. Они поверяли его в свои личные переживания,

сообщали о семейных и даже сердечных делах, благодарили за хлопоты по добытию пособий, стипендий, высылке гонимых, рассказывали о своих занятиях, поездках, встречах, делились впечатлениями о новых знакомствах и прочитанных книгах, спрашивали советов и просили быть шафером на свадьбе (как, например, А.С. Будилович). Ламанский присылал свои деньги ученикам, находящимся в тяжелом материальном положении в заграничной командировке из-за задержки министерских выплат, хотя сам не имел никаких материальных излишков, искал ученикам возможности для дополнительного заработка и постоянную работу. При этом он, конечно, оставался в первую очередь учителем: давал рекомендации по тематике диссертаций, указания по необходимой литературе и т.п. Ученики просили Ламанского за своих родственников (братьев и сестер) и он, по возможности, помогал им: всячески поддерживал в Петербурге, хлопотал перед университетским начальством, перед министром, П.А. Столыпиным, обращался за поддержкой к А.С. Суворину, добивался освобождения братьев своих учеников, арестованных за участие в революционных выступлениях и т.д. Привлекал для этого свои знакомства в Академии генерального штаба и среди влиятельных чиновников. В ряде случаев речь даже шла не об учениках или их родственниках, но о практически незнакомых людях. Так, например, в 1907 г. Ламанский обратился к П.А. Столыпину с просьбой об освобождении под залог до суда бывшей курсистки и сестры милосердия в Манчжурии во время войны Эскиной, обвиненной в революционной пропаганде в войсках. Достаточным основанием Ламанскому для прошения послужило то, что Эскина была подругой уже к тому времени покойной сестры его ученика Н.В. Ястребова.

Философские увлечения Ламанского, его последовательное славянофильство задавали широкий взгляд на проблемы славянской истории и литературы, позволяли преодолеть крохоборство кабинетной работы и вырабатывали целостный взгляд на предмет. По словам К.Я. Грота, «чрезмерной и бездушной специализации и буквоедству он не мог сочувствовать» [4. С. 19]. Одни лишь лингвистические штудии и источниковедческие занятия едва ли могли создать школу. Для научной школы нужны общие теоретические, методологические и философские установки. Именно масштабность восприятия славянства, цивилизационный подход к истории и культуре восточноевропейских народов, обосновываемый Ламанским, привлекал к нему учеников. Один из первых его учеников А.С. Будилович писал Ламанскому в Венецию 14–16 декабря 1868 г.: «Мне не хочется верить и никто меня в этом не убедит, что истинное призвание Влад. Ламанского состоит в том, чтобы написать 15 томов наиученейшего сочинения об отношениях Далмации к Венеции [...]. Я даже имею странность думать, что деятельность напр[имер] Кояловича — публицистическая — гораздо важнее его истории униатов, и что ваши брошюры — важнее вашей диссертации [...]. Каждому свое: кто для архива, кто для трибуны. Я бы считал большой [неразб.] для славян, если бы напр. Гильфердинг сделался специальнейшим, величайшим славянским археологом, палеографом, филологом и т. д. Пускай Куник будет нумизматом, но пусть Самарин не пишет более рассуждений о Феофане Прок[оповиче]». И далее А.С. Будилович продолжал: «Славянский ученый долго еще будет обречен на труд чернорабочего: издание материалов, критическое их изучение, прагматическое воспроизведение фактов — и тогда уже откроется поле деятельности архитектурской — философской» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 267. Л. 18–18об.]. Для славистики наступает время философских обобщений. А.С. Будилович предостерегал Ламанского от «пострижения в ученые монахи» и призывал его к философскому осмыслению судеб славянства. Ламанский сполна реализовал желание своего первого ученика. «Он не только до мелочей анализировал добытые им научные материалы и делал на основании их важные специальные открытия, — отмечал К.Я. Грот, — но он умел обнаружить в мертвых на вид памятниках голос минувшей жизни и ее духа, сближал отдаленное прошедшее с настоящим и своим замечательным творческим даром создавал смелые глубокомысленные построения, открывал широкие заманчивые ис-

торические перспективы, к изучению которых он увлекал своих молодых учеников и последователей» [4. С. 14]. Перед учениками, занятыми частными изысканиями и работой над источниками, он открывал «заманчивые перспективы важных общих выводов и широкого исторического синтеза» [4. С. 18]. Грандиозность задачи не редко приводила к тому, что работы самого Ламанского оставались неоконченными, но именно на пути к такому теоретическому синтезу он и написал свои лучшие славистические исследования.

Ученики ценили у Ламанского прежде всего общий (философский) взгляд на славянство. Далеко не все из них продолжили его теоретические изыскания. Скорее даже наоборот, большинство его учеников стали высоко профессиональными исследователями и педагогами, но не предложили ничего равного Ламанскому в философии. Однако без славянофильской философии не было бы «школы Ламанского». В юбилейный для Ламанского 1883 г. его ученик Ф.Ф. Зигель писал из Варшавы: «Ваши ученики желали поблагодарить Вас за Ваше, можно сказать, отеческое к ним отношение; мы все вполне осознаем, что мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений романо-германской цивилизации к славянству. Действительно только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительных начал православия” и не думая заняться анализом этой высоты» (цит. по [20. С. 140]). В этом же письме Ф.Ф. Зигель напоминал Ламанскому о задумке написать об этом книгу. Такая книга появилась в 1892 г. — «Три мира азийско-европейского материка».

С годами именно думы об учениках согревали экзистенциальное одиночество Ламанского. Дети выросли, 1898 г. от рака груди умерла жена, ушли из жизни многочисленные братья. Старик Ламанский искал отраду в учениках. Тоской наполнено одно из его поздних (вероятно, 1911 г.) писем к византинисту Ф.И. Успенскому, возглавлявшему Русский археологический институт в Константинополе:

«Многоуважаемый, добрый и милый
Федор Иванович.

В последнее время приводил я в порядок все сохраняемые мною письма ко мне (с 1864 г. и даже и ранее) от моей матушки, отца и братьев моих и от единой сестры — братья (8 чел[овек] и 1 сестра) все померли — большая часть даже давно. Я, пятый, пережил всех — старших и младших. Сестра (73 л.) еще бодрится, но уже вдова и бездетная. Я с нею часто вижусь и постоянно вспоминаем нашу семью — отца, матушку и семь братьев. Я пятый, она шестая, уже вдова Поленова, младшего брата, сенатора; и может быть старшего — археолога может быть Вы видали его у меня или у Срезневского.

Все мои университетские товарищи уже померли: Васильевский, Минаев, Владиславлев, из других факультетов — Чебышев, Менделеев и проч. и проч.

Померли и близкие друзья — слушатели мои — Будилович, Соколов.

Видаюсь чаще с Ястребовым и Пальмовым. Флоринский, Петров и Вы — далече [...]. Петров очень редко показывается, хотя живет в Петербурге. С 26 июня 1911 г. мне прошел уже 78-й год. в последнее время Вы уже перестали показываться в Петербурге. Все в прошлую зиму и прошлую весну ждал я Вас и увы обманулся. Правда соскучился и решил, наконец, написать Вам и попросить Вас дать мне о себе добрую весточку о том, как Вы поживаете, что поделываете, как себя чувствуете.

Надеюсь, милый Федор Иванович, не откажитесь написать мне о Вашем житьи-бытьи, о Ваших работах и занятиях, о знакомых с греками, славянами и западными европейцами. Умер милый, добрый и большой любитель России и, что особенно печально любитель русской водки; он ее себе выписывали и употреблял не в меру» [3. Ф. 65. Оп. 1. Ед.хр. 75. Л. 3—Зоб.].

Ф.И. Успенский, по свидетельству В.П. Семенова-Тян-Шанского, на похоронах Ламанского «произнес весьма прочувствованное надгробное слово» [21.

С. 620]. 9 апреля 1915 г. он выступил с докладом, посвященным Ламанскому, в Историческом обществе при Императорском Петроградском университете. «Правда, он не обладал лекторскими качествами, — вспоминал Ф.И. Успенский о занятиях у Ламанского в 1867 г., — от него не слышали мы захватывающих фраз и слов, но он сообщал мысли, дававшие материал для размышления. Те из нас, у кого была способность вдумываться в исторические факты и отдавать себе отчет в современных общественных вопросах, не могли относиться безразлично к его чтениям по славянской истории, вынося из них обильную пищу для выработки самосознания. Он первый побуждал нас останавливаться на словах и терминах, хотя и часто употребительных, но недостаточно каждым продуманных, и наводил мысль на новые понятия, из которых создается мировоззрение. В этом отношении лекции доцента Ламанского подготавливали нас к сознательному отношению к окружающей действительности и делали нас способными отличать реальное от кажущегося, ценное от мишурного и поддельного» [22. С. 94]. Воспоминания Ф.И. Успенского корректируют известный мемуар С.Ф. Платонова, рисующий несколько карикатурный образ Ламанского [23. С. 109]. По свидетельству К.Я. Грота, он умел сделать предмет славяноведения «необыкновенно интересным и привлекательным» [4. С. 18]. Учеников привлекали и личные качества профессора, «присущий ему дар духовного, идейного влияния на умы и сердца» [4. С. 19], доступность и простота в общении. Ламанский обращался к ученикам как к равным, что поднимало самооценку молодых людей и стимулировало дальнейшую самостоятельную работу. Он позволял ученикам, чувствовавшим себя в кабинете учителя как дома, пользоваться своей библиотекой, и нередко был вынужден, не найдя книгу у себя, выписывать ее из университетской библиотеки. Доброта и сердечная участливость Ламанского проявлялась также в том, что и после окончания университета он сохранял «постоянно к своим ученикам близкое и дружеское, почти родственное отношение» [4. С. 16]. Заметную роль в становлении «школы Ламанского» сыграли вечерние собрания по субботам на его квартире (особенно последней квартире (ул. Звенигородская, 32, кв. 1), в которой он жил с 1890 г.), где встречались его студенты, университетские преподаватели и ученые (В.Г. Васильевский, И.П. Минаев, В.Р. Розен, Л.Н. Майков, Н.Н. Страхов, А.И. Соболевский, братья Карпинские, Семеновы-Тянь-Шанские, А.И. Воейков, Ф.И. Успенский, С.Ф. Платонов, Ф.Д. Батюшков и др.), приезжавшие в Петербург славянские деятели и ученые (Т. Масарик, П. Каравелов, Д. Цанков, Н. Пашич, К. Крамаж и др.), литераторы (А.Н. Майков, Ф.М. Достоевский и др.). Устраивались музыкальные вечера, в которых активное участие принимала молодежь, друзья его сына Владимира и пасынка Н.М. Штруппа, многие из которых впоследствии стали университетскими профессорами и академиками (А.Е. Пресняков, С.А. Адрианов, М.А. Полиевктов, В.А. Голован, И.И. Лапшин, В.Н. Перетц, А.Д. Погодин, Г.Ф. Церетели, Е.Ф. Тураева-Церетели, А.Я. Полонский и др.). Красочное описание этих вечеров приводит В.П. Семенов-Тянь-Шанский [21. С. 265–270].

Идейные разногласия не были препятствием для позитивной оценки Ламанского. Так, в мае 1891 г., т.е. вскоре после начала преподавания на историко-филологическом факультете, А.С. Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову, что «на нашем факультете из старых профессоров — Ламанский — человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела» (цит. по [24. С. 61]). Можно заметить, что Лаппо-Данилевский положительно отзывался не только о личности Ламанского, но и о его ученых трудах, хотя и не разделял его славянофильских взглядов. Первой публикацией Лаппо-Данилевского стала рецензия на «Государственные секреты Венеции», а в 1900 г. он первым приехал поздравить Ламанского сразу же после голосования в Академии наук, избравшей его в ординарные академики.

Ламанский не был строгим профессором, отличаясь в преподавании и на экзаменах либерализмом. «По воспоминаниям П.Г. Васенко, славившего государственной экзамен по истории славян в 1897 г., профессор В.И. Ламанский не только заранее договорился со студентами исторического отделения о том,

на какие вопросы они будут отвечать на экзамене, но и, что уже выглядело анекдотично, подсказывал по буквам фамилии забытых персонажей» [7. С. 267–268]. Из сохранившихся бумаг Ламанского видно, что, как правило, он читал 5–6 лекций в неделю, вместо шестичасовой нормы, что порой вызывало недовольство со стороны Министерства народного просвещения [7. С. 437].

Ламанский не оставил крупных работ по славистике, не подготовил обобщающего труда по истории или языку какого-либо из славянских народов, не составил словарь и т.п. Его славистические исследования представлены в основном статьями или циклами статей, далеко не все из которых были закончены. Не были подготовлены к печати и многочисленные курсы лекций, которые Ламанский читал в Петербургском университете. Изданные студентами литографским способом, они доступны лишь узкому кругу специалистов. Около столетия работы Ламанского не переиздавались. Главным его достижением в славяноведении надо считать его учеников, составивших научную школу и фактическое становление истории славян в качестве самостоятельной научной дисциплины. Сам ученый прежде всего гордился тем, что смог создать свое направление в славистике, которое, пожалуй, можно назвать цивилизационным. Для Ламанского был характерен обобщающий, философский взгляд на историю, язык и культуру славянских народов. Он ставил перед собой задачу историософского синтеза судеб славянства. Отчасти это отвращало его от мелочных филологических, историографических, текстологических, лексикографических и подобных исследований, которые бы закрепили его значение как ученого. Однако именно цивилизационный подход способствовал выработке теоретико-методологических установок, необходимых для формирования научной школы. Правда, мало кто из его учеников поднялся на тот же уровень обобщений, что и их учитель, а младшее поколение его учеников и вовсе отказалось от славянофильской точки зрения в науке и политике [20. С. 143]. По словам О.В. Саприкиной, Ламанский, «как человек толерантного сознания прививал студентам интерес к славянству, не ставил им жестких канонических требований. В результате многие ученики Ламанского сумели преодолеть методологические позиции учителя и стали работать в рамках позитивизма. Основой школы Ламанского стало строго научное отношение к источникам, свобода их интерпретации. Исследователь сумел развить в учениках методологическую культуру, ставшую основой их дальнейшей работы в разных теоретических полях и в широком спектре отраслей славистики» [25. С. 18]. К сожалению, «школа Ламанского» просуществовала недолго. В советской историографии он был причислен к сторонникам «воинствующего национализма» [26. С. 45] и «великодержавной шовинистической идеологии» [27. С. 224].

Основные монографии ученого — магистерскую и докторскую диссертации, а также «Три мира Азийско-европейского материка», — лишь отчасти можно отнести к славистике. Сам Ламанский считал их исследованиями, скорее, историческими и политико-географическими. «Оставленные им труды [...], — отмечал в некрологе А.А. Шахматов, — не могут быть строго разграничены по их содержанию на чисто научные и чисто политические. Выступая с трактатами публицистическими, отзываясь на события дня, В.И. Ламанский подчинял свою политическую идеологию своим научно-историческим построениям; научно-исторические исследования В.И. Ламанского в сильной степени отражают на себе его политическое мировоззрение. Но все его трактаты и исследования проникнуты деятельною любовью к родине и беззаветным стремлением к ее благу» [28. С. 1351]. Открыто проповедуемое славянофильство сказывалось в историософских интерпретациях и философских обобщениях. В них реализовался в большей степени политический или даже философский тип мышления, а не филологический. Не случайно с дальнейшим развитием славяноведения значение Ламанского как слависта падало, а его значимость как политического мыслителя и философа славянофильского направления будет расти по мере расширения историко-философских исследований в России. По словам А.А. Шахматова, «Менее всего он был отвлеченным мыслителем или далеким от жизни моралистом. В нем тесно сживались интересы ученого

и публициста, но прежде всего это был страстный патриот. Во всей его деятельности перед ним превозносится один единственный кумир, дорогой, нерукотворный — это его родина, обожаемая им Россия. Он тщательно оберегает ее интересы в настоящем и будущем, он ревниво говорит о них и в прошедшем. Ему ясно, что даже личного счастья и благополучия нельзя отделять от величия и благосостояния народа и отечества; для достижения того и другого требуется развитие самосознания» [28. С. 1345].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1870—1871 академического года с приложениями. № 4. СПб., 1871.
2. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1873—1874 академического года с приложениями. № 8. СПб., 1874.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35.
4. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг., 1915.
5. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1885—1886 академического года. № 33. СПб., 1886.
6. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
7. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.
8. Ростовцев Е.А., Сдорчук И.В. Кафедра философии Петербургского университета (1819—1917): Коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3.
9. Ламанский В.И. Заметка. 1867. Петербург // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.; Л., 1948.
10. Троицкий С.А. Славянофильство и изучение народной культуры в России // Вече. 2016. № 28.
11. Куприянов В.А. Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28.
12. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
13. Малинов А.В. Из переписки двух историков (к публикации писем Н.И. Кареева В.И. Ламанскому) // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 10 (70).
14. Ламанский В.И. Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915.
15. Речь. 1915.
16. Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8 (116).
17. Робинсон М.А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
18. Лаптева М.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
19. Лаптева М.П. Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) и его ученики (к 100-летию со дня смерти учителя) // Славяноведение. 2014. № 6.
20. Робинсон М.А. В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о не учеников и коллег // Славянский альманах 2013. М., 2014.
21. Семенов-Тянь-Шанский В.П. То, что прошло. В двух томах. Том первый 1870—1917. М., 2009.
22. Успенский Ф.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Ламанском // Кодекс info. 2006. № 7/8.
23. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. вторая. Пг., 1921.
24. Ростовцев Е.А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
25. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2004.
26. Пичета В.К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. Кн. 3.
27. Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1943.
28. Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А.А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914.